

Г.И.Мусихин

ПОПУЛИЗМ: СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИКИ ИЛИ «УЩЕРБНАЯ ИДЕОЛОГИЯ»?

Понятие популизма, получившее широкое распространение в условиях массового информационного и постинформационного общества, подвергается сегодня множественному толкованию, порождая многочисленные дискуссии и изрядную концептуальную путаницу. Популизм описывается и как патология политического процесса, и как стиль публичной политики, и как синдром массовой демократии, и как особая доктрина. Одновременно существует точка зрения, согласно которой данное понятие лишено какой-либо пользы для концептуального политического анализа, ибо оно слишком расплывчато, чтобы отражать некий целостный смысл политики.

Чтобы преодолеть «теоретическую неприязнь» к популизму, последний можно трактовать как *фрагментарную идеологию*, которая, будучи ограничена логикой собственного использования, тем не менее формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных «целостных» идеологий¹.

¹ Подробнее о популизме как фрагментарной идеологии см. Mudde 2004.

Популизм имеет репутацию политического явления, враждебного любому теоретизированию. Но, несмотря на это, его можно рассматривать как отдельную политическую концепцию, изучение которой позволяет глубже понять логику развития политических партий и идеологий.

В связи с этим было бы полезно проанализировать основные компоненты популизма и попытаться объяснить их взаимодействие с точки зрения функционирования идеологий. При решении данной задачи имеет смысл взглянуть на понятие популизма с позиций *политического антагонизма*, пронизывающего любое массовое общество, а также сквозь призму *понятий «народ» и «народный суверенитет»*.

Нужно отметить, что, хотя популизм не обделен вниманием со стороны ученых-политологов, данное явление чаще всего анализируется через конкретную политику и лозунги, которые выдвигаются в обоснование (или сокрытие) реальной политики. Между тем гораздо интереснее посмотреть на логику развертывания популизма как *столкновения антагонистических дискурсов элиты и общества*. В то же время не следует забывать, что, давая определенное представление о механизмах развития популизма, подобный подход сам по себе не предполагает включения в поле анализа проблемы самоопределения общества как

«народа», которая является отдельной темой для размышлений, связанных с понятием популизма.

Но раз так, то встает вопрос о соотношении «народа» и народного суверенитета. Неоднозначность последнего показывает, что антагонизм «народ — элита» играет при разворачивании популизма скорее идеационную, нежели структурную роль, будучи не столько вектором политического движения, сколько ключевым импульсом осмысления политики.

Очевидная «недоразвитость» популизма как идеологии заключается в том, что он не может функционировать в качестве «практической» идеологии и не в состоянии выдвигать последовательные и широкомасштабные программы, нацеленные на решение важных политических вопросов. Поэтому анализ конкретных проявлений популизма требует выявления его взаимосвязей с «целостными», или «тотальными» (в интерпретации Карла Манхейма), идеологиями, восприимчивыми к политическому контексту и тем самым способными приобщаться к популистским конструкциям.

**Популистские
дискурсы
как способ
структурной
институционализации
конфликта
между народом
и элитой**

С точки зрения дискурсивного анализа представляется почти невозможным осуществить содержательное исследование популистских речевых конструкций, ибо любая *смысловая модель популистского дискурса* неизбежно окажется перегружена огромным количеством *исключений*, которые *обесмыслият* ее². В связи с этим при анализе популизма многие авторы отталкиваются от интуитивного предположения, что истоки популизма кроются в логике взаимодействия парной категории «народ — элита»³ и популизм есть порождение антагонистической дихотомии, неизбежно заключенной (хотя и не всегда очевидной) в данной парной категории.

Однако сама по себе констатация социальных противоречий между «элитой» и «народом» не позволяет понять гетерогенную природу последнего в политике популизма⁴. Особенность популизма в том, что его дискурсы «могут возникать в любой точке социально-институциональной структуры»⁵. Популистский дискурс зарождается при противопоставлении коллективных интересов, идентифицированных как «народные», интересам господствующей элиты, чьи действия или бездействие антагонистичны «народу»⁶. Популизм возникает при невыполнении элитой своих специфических обязательств перед обществом⁷.

Политическая *логика действий элиты* состоит в том, чтобы *представить* такое *невыполнение* как *выполнение*. Одним из механизмов достижения этой цели является *удовлетворение потребностей различных социальных групп в индивидуальном порядке* (например, широкое освещение в СМИ открытия новой больницы при неудовлетворительном положении в сфере здравоохранения в целом). Там, где элита успешно использует данный механизм, ей удается предотвращать возникновение социальных антагонизмов, навязывая общественному

² См. Laclau 2005a: 117.

³ Mudde 2004: 543.

⁴ Подробнее см. Goodwyn 1973: xvi; Panizza 2005: 16.

⁵ Laclau 2005b: 44.

⁶ Westlind 1996: 54.

⁷ Laclau 2005a: 120.

мнению «логику разнообразия». Там же, где механизм адресного выполнения общественных требований бездействует или пробуксовывает, господствует «логика однообразия», и антагонизм между элитой и народом выходит на первый план⁸. В этом случае популизм апеллирует к глобальному политическому субъекту, который способен охватить собой все множество общественных потребностей⁹. Поэтому дискурс популизма не следует искать в каких-то конкретных призывах к «народу». Гораздо четче он прослеживается там, где «логика однообразия» очевидно доминирует над «логикой разнообразия».

Учитывая вышесказанное, популизм можно определить как «своего рода общую валюту, в которую могут быть конвертированы проблемы большинства политических брендов»¹⁰. Такая трактовка помогает преодолеть сложности содержательного анализа популизма, чье содержание может быть настолько различным, что само объединение подобной разногласицы в рамках единого понятия становится бессмысленным¹¹.

Не выдерживает критики и интуитивное отождествление популизма с задворками политического пространства, ибо в настоящее время даже в странах развитой либеральной демократии популизм все больше и больше превращается в политический мейнстрим. Это стало результатом как растущей коммерциализации популярных СМИ, так и усиливающейся «когнитивной мобилизации» образованных слоев населения. Проникновение в большую политику партий-аутсайдеров, подвергающихся популистской атаке традиционный политический истеблишмент, заставляет ведущие партии разворачивать собственные популистские дискурсы¹².

Идея о том, что множество индивидов может быть объединено переживанием своего неудовлетворительного положения, не нова. Проблема в том, чтобы понять, как это происходит. Однако чрезмерное увлечение данной стороной проблемы способно привести к отождествлению популизма с политикой вообще. Популизм начинает трактоваться как «введение в институциональный политический порядок аутайдера в качестве исторического агента», что позволяет политике охватывать собой и существующее положение дел, и возможные альтернативы самой себе¹³. Иными словами, популистский дискурс оказывается неизбежным следствием логики антагонизма и конфликта, без которой политика как реальность подменяется административным управлением.

Впрочем, подобное отождествление популизма с политикой как таковой является скорее исключением. Гораздо чаще популизм отождествляется со всем, что имеет отношение не столько к политике, сколько к народу как ее коллективному субъекту¹⁴ — ведь *если популистский дискурс равнозначен политике вообще, то понятие «популизм» как инструмент политического анализа обесценивается*¹⁵. Несогласие с подобной «концептуальной инфляцией»¹⁶ дополняется сомнениями по поводу применимости структуралистской онтологии к толкованию популизма. Логика структурализма конструирует популистский дискурс

⁸ Laclau 2005b: 36—37.

⁹ Laclau 2005a: 116.

¹⁰ Canovan 1984: 314.

¹¹ См. об этом Westlind 1996: 31—32.

¹² См. Mudde 2004: 550, 563.

¹³ Laclau 2005b: 47.

¹⁴ См., напр. Arditi 2004: 139—40; Stavrakakis 2004: 263.

¹⁵ Stavrakakis 2004: 263.

¹⁶ Arditi 2004: 140.

как аккумуляцию невыполнимых требований. Но эти требования могут быть слишком разнородными по своему содержанию, чтобы охватываться общим понятием.

Кроме того, единый популистский дискурс как «материализация» языковых конструкций противопоставляется качественно отличному явлению: если преобладание «логики разнообразия» есть результат конкретной политики властных инстанций, то для появления популярной личности, эксплуатирующей популистский дискурс, достаточно одной лишь «логики однообразия». Получается, что «*политика*» *противостоит* «*логике*»: если люди недовольны общественным транспортом, то, согласно структуралистской трактовке популизма, они будут проявлять солидарность со своими соседями, недовольными дефицитом безопасности, качеством медицинского обслуживания, состоянием окружающей среды и т.д., просто по факту недовольства, хотя их позитивные требования могут быть не просто различными, но и несовместимыми¹⁷.

¹⁷ Laclau 2005b: 37.

Предположение о том, что массовая солидарность свойственна людям, обменивающимся опытом релятивной депривации, неизбежно порождает вопрос: всегда ли различные виды недовольства влекут за собой формирование общей солидарности? Иными словами, все ли формы пассивного недовольства своим положением стимулируют массовую солидарность через появление популистских конструкций и *не способны ли некоторые групповые недовольства породить не единый популистский дискурс, но лишь взаимные групповые обвинения?* В любом случае можно констатировать: утверждать, что между различными группами возникнет какой-то тип солидарности только в силу их отчуждения от власти, — значит чрезмерно преувеличивать силу популистской идентификации.

Хотя разнообразные формы недовольства действительно создают благоприятные условия для появления популизма, популистская логика развития индивидуальных требований зависит не столько от того, *приняты эти требования или отвергнуты*, сколько от того, *как интерпретируется такое принятие или отказ*. В связи с этим *формальной структуралистской логике популизма* можно противопоставить *трактовку популизма как идеологии*, которая формируется политическими посредниками для мобилизации «народа».

Идеологии как интерпретационные рамки политической действительности

В основе допущения о том, что популизм правомерно рассматривать как особого рода идеологию, лежит определенная онтологическая позиция, которую можно назвать материально-идеационной диалектикой¹⁸. Согласно этой позиции, идеи находятся в диалектической взаимосвязи с социальным и историческим контекстом, который возникает и меняется в зависимости от того, как субъекты социального или политического действия осмысливают данный контекст, принимая стратегические решения, имеющие очевидные материальные последствия.

¹⁸ См. об этом Nay 2002: 210.

Осознанно или нет, акторы воспринимают существующие идеи и инновации сквозь призму того мира, в котором живут. Подобная онтологическая позиция требует признания того, что *идейно обусловленные действия акторов суть производные от интерпретации среды обитания*.

¹⁹ Подробнее см. Freeden 1996.

Понятие *интерпретации* является центральным для морфологического подхода к изучению идеологий¹⁹. Если идеи суть индивидуальные интерпретации, то *идеологии* — это *интерпретационные рамки*, которые возникают в ходе практического перевода идей на язык политических понятий. В своих попытках осмысления политического акторы наталкиваются на остаточные «некритические» следы индивидуального опыта²⁰. Это означает, что политическое состоит в политизации совокупностей индивидуального опыта через адаптацию последнего к публичной сфере, то есть через рефлексию, преодолевающую приватное переживание в публичном статусе: например, индивидуальное переживание социальных отношений получает политическое звучание в понятии социальной структуры, а переживание угнетения — в концепте свободы.

²⁰ Freeden 2006: 19.

Естественно, что значение понятий не есть нечто застывшее, зафиксированное раз и навсегда, но каждому понятию присущи некие неустранимые элементы — все известные типы толкования данного понятия неизменно работают на них и их отсутствие «лишает понятие вразумительности»²¹ и способности выполнять свои функции. Эти неустранимые конвенциональные элементы сопрягаются с комплексом более подвижных и пластичных элементов. В этом смысле морфология идеологий аналогична морфологии индивидуальных понятий: в ядре идеологии содержится кластер неопровержимых и неоспариваемых понятий, которые образуют очевидную идеационную сеть, способную существовать в относительно неизменном виде на протяжении долгого времени. Данная сеть включает в себя неэлиминируемые ключевые понятия, которые «представляются должными в актуальной политической повседневности»²². Идеологии как логически выстроенные и культурно укорененные интерпретационные рамки обеспечивают политическим акторам возможность предлагать эмоционально насыщенные и одновременно логически убедительные и эвристически полезные интерпретации окружающей действительности. Возникающие в результате картины мира всегда ограничены, но очень влиятельны. Идеология невозможна вне ограничений, однако запускаемый ею процесс селекции «создает чувственную и понятийную структуру, которую мы принимаем»²³ как «политические животные». То есть, *идеологии не сводятся к простому отражению политических направлений; идеологии претендуют на то, чтобы формировать эти направления*. Освоение новых идей сопряжено с огромными усилиями, и дошедшие до наших дней идеологии представляют собой бесценные и уникальные эвристические конструкции, удовлетворяющие индивидуальную потребность в освоении публичного мира политического.

²¹ Freeden 2003: 62.

²² Ibid.: 61.

²³ Ibid.: 65.

²⁴ *Freeden 1998:*
750.

Всеобъемлющие (тотальные) идеологии «содержат в себе специфическую интерпретацию и конфигурацию всех ключевых политических понятий, адаптированных к общему плану публичной политики, порожденной тем или иным обществом»²⁴. Но не всякая идеология является всеобъемлющей.

Наряду с тотальными идеологиями, существуют и идеологии фрагментарные, чье концептуальное ядро включает в себя лишь ограниченное число идей. К подобным идеологиям относится, в частности, национализм. Поскольку концептуальное ядро национализма несравнимо беднее, чем у либерализма, консерватизма или социализма, он не в состоянии предложить единое комплексное решение проблем социальной справедливости, распределения ресурсов, управления общественными конфликтами и т.п. Сфокусированность на идее национального единства делает национализм неспособным отвечать на усложняющиеся вопросы современного мира. Поэтому он (как и другие фрагментарные идеологии) стремится «вступить в брак» с одной из всеобъемлющих идеологий, воспользовавшись ее концептуальным универсализмом. И хотя в чрезвычайных ситуациях национализм может выдвинуться на самостоятельные позиции, в обычной политической жизни он, как правило, находится «под покровительством» той или иной «респектабельной» идеологии.

В рамках описанных выше онтологических установок популизм предстает не неизбежным продуктом абстрактной формальной логики структурализма, но эмпирически и ситуативно проявляющейся идеологией, возникающей из непосредственной артикуляции неоспоримых концептуальных понятий. Несмотря на принципиальную неспособность к концептуальной целостности, он вполне может интерпретироваться как разновидность фрагментарной идеологии, которая, будучи слабой, ограниченной и ущербной в своем концептуальном ядре, открыта к «браку по расчету» с более цельными идеологиями.

**Концептуальное
ядро идеологии
популизма**

Если концептуальное ядро той или иной идеологии является не только вместилищем некоей метафизической инициации, но и результатом эмпирического воплощения опыта различных политических акторов, то создание базовых идейных установок идеологии требует непосредственной фиксации того, что ее сторонники думают и говорят в конкретном политическом контексте. Это предполагает, что порождаемые идеологией принципы исторически обоснованны, культурно укоренены и, следовательно, пригодны к пропагандистскому использованию в данное время и в данной ситуации.

Для популизма это характерно в гораздо большей степени, чем для «универсальных» идеологий. В отличие от последних, закрепляющихся в форме философско-политических конструкций, которые адаптируются различными политическими партиями, движениями и лидерами, *популизм не обладает четкой нормативной структурой общих целей и*

средств их достижения. Нам едва ли удастся обнаружить канонические популистские тексты или «священные» для популистов исторические события. «Святыни» популизма если и существуют, то всегда носят локальный, а не универсальный характер. Общественные группы, к которым апеллирует популизм, чрезвычайно разнообразны и, как правило, не фиксируются как носители определенного общего интереса даже в рамках одной страны.

Но подобная слабость популизма в сравнении с другими идеологиями одновременно является и его силой. *Для фрагментарного популизма* внутренние *противоречия не столь критичны, как для тотальных идеологий*, ибо для него достаточно лишь указания на некую идейную общность без реального ее наличия. Не случайно термин «популизм», широко используемый как в публицистике, так и в научных текстах, никогда не имел четкого толкования. Тем не менее его устойчивое присутствие в различных политических дискурсах говорит о том, что им охватывается значимая смысловая конструкция идеологической реальности.

Первое и наиболее очевидное толкование популизма — лингвистическое. Этимология слова «популизм» указывает на то, что он должен иметь отношение к «народу» (*populus*). Однако такое лингвистическое толкование мало что проясняет в сущности популизма. Впрочем, это справедливо и в отношении многих других идеологий, при формировании которых определяющую роль играет не лингвистическая, а контекстуально-культурная логика. Поэтому можно согласиться с тем, что вхождение в политический дискурс понятий «народ» и «народный суверенитет», придавших демократии прагматическое и вместе с тем испушительное звучание, создало условия для «непотопляемости» популизма как идеологии, несмотря на всю его фрагментарность и ущербность.

Тот факт, что у слова «популизм» имеются намертво приросшие к нему негативные коннотации и оно часто используется для дискредитации политических оппонентов, не может служить аргументом против квалификации данного политического явления как идеологии — ведь идеологии не всегда отражают позитивные тенденции и претензии. Напротив, его четко зафиксированный низкий статус свидетельствует о том, что популизм есть известная (и отчетливо обозначенная) конфигурация идейных конструкций, на которую можно публично с осуждением «указать пальцем».

Критика популизма, как правило, сфокусирована на его демагогической практике: возбуждении народных эмоций посредством раздачи заведомо невыполнимых обещаний и разжигании недоверия к политической элите. Акцентирование этой стороны дела привело к тому, что *популизм зачастую стал отождествляться с демагогией*. Подобное отождествление, безусловно, нацелено на делегитимацию популизма. Но само стремление к делегитимации популизма есть не что иное, как признание за ним особого, ясно выраженного идейного статуса, порождающего узнаваемую мыслительную практику: искусственное разделе-

ние политического мира на два антагонистических лагеря, претензия на аутентичное отражение и представление интересов «народа», а также апелляция к безусловной нормативной и моральной легитимности его «воли» как обязательного основания для принятия политических решений. Неудивительно, что популизму удалось выработать весьма изощренные приемы борьбы с выдвигаемыми в его адрес обвинениями. Критики популизма объявляются «врагами народа», а популистская риторика — гонимой за правду истиной, тождественной «народной воле». Как говорил один из наиболее ярких современных популистов Жан-Мари Ле Пен: «Популизм есть отражение мнения народа. Имеет ли человек при демократии право придерживаться своего мнения? Если это так, то да, я — популист»²⁵.

²⁵ Цит. по: Mayer 2005: 74.

Взаимодействие между политическими акторами посредством апелляции к «народу» и народному суверенитету имеет принципиальное значение для политического дискурса Современности. Можно утверждать, что народный суверенитет есть стержневой миф всей современной политики, благодаря которому «мы» («народ») *так или иначе* являемся источником политической власти и авторитета²⁶. Исходя из первостепенной значимости народного суверенитета и развивая известную идею Майкла Оукшотта, различавшего политику доверия и политику скептицизма, можно выделить «искупительный» и «прагматический» лики демократии, которые одновременно противоречат и дополняют друг друга²⁷. В прагматической своей ипостаси демократия открывает возможность ненасильственного согласования разноречивых интересов в условиях массовой мобилизации и коммуникации, в ипостаси же искупительной она есть обещание лучшего мира, который будет создан через действия суверенного народа.

²⁶ См. об этом Canovan 2005: 128.

²⁷ Canovan 1999: 9.

Прагматический модус демократии подчеркивает необходимость институтов посредничества и представительства — без таких институтов демократия будет не в состоянии обеспечить эффективное управление сложными общественными процессами. В свою очередь, наличие искупительного образа «народа» как легитимной суверенной субстанции превращает демократию в «глас народа», вступающий в конфликт с «сонмом институтов», осуществляющих функциональные действия, непосредственно не связанные с народной волей.

Апелляция к народу — неустранимый атрибут современной политической практики, что особенно отчетливо проявляется в периоды выборов и референдумов, когда никто из политических акторов в принципе не оспаривает право «народа» решать и ссылки на его волю выступают не столько инструментом в руках агитаторов-популистов, сколько следствием общенационального политического консенсуса. И хотя распространенная среди политологов точка зрения, согласно которой народ не может править как юридическое лицо, не лишена оснований, не следует забывать, что представительные институты обретают легитимность лишь через прямое участие граждан во властном политическом действии (выборах), поэтому в момент выборов избиратели

действуют так, *как если бы* народ действительно существовал в качестве единого юридического лица. Последнее есть очевидное допущение, но без него вся демократическая действительность Современности теряет смысл. Рассуждения о технической невозможности определения воли народа с помощью избирательной процедуры²⁸ упускают из вида то, что сама избирательная процедура легитимна только постольку, поскольку рассматривается как механизм, посредством которого может прозвучать «глас народа».

²⁸ Как утверждает Уильям Райкер, «то, что хочет народ, не может быть социальной политикой просто потому, что мы не знаем и не можем узнать, чего народ хочет» (Riker 1982: 238).

Упомянутое выше допущение является *и основой живучести популизма* (без такого «*как если бы*» демократия невозможна), *и причиной его «плохой репутации»* (допущение некорректно выдавать за реальность, даже если оно крайне важно). Как бы то ни было, неустранимое противоречие между прагматической и искупительной сторонами современной демократии побуждает (и будет побуждать) обращаться к народу и апеллировать к народному суверенитету даже последовательных прагматиков — хотя бы в период выборов. А это означает, что «следы» популизма мы можем обнаружить в любом акте публичной политики.

Подобно национализму, *популизм «одушевляет» ключевого коллективного актора политики*. Он провозглашает себя защитником «народа» как привилегированного субъекта политики и обосновывает его право находиться на этом пьедестале. Концептуальное ядро популизма образуют четыре взаимосвязанных принципа:

- 1) существование «народа» и «элиты» как двух гомогенных и равноценных категорий;
- 2) антагонистические взаимоотношения между «народом» и «элитой»;
- 3) идея народного суверенитета;
- 4) положительная оценка «народа» и отрицательная — «элиты».

²⁹ Canovan 2005: 39.

Понятие «народ» предстает одновременно и «риторически эффективным», и «концептуально неопределенным»²⁹. Вся система популистской интерпретации политического предполагает риторическую отсылку к бинарной структуре политики. Поэтому, несмотря на всю свою принципиальную важность для популизма, данное понятие оказывается лишено *онтологической самостоятельности* (в отличие, например, от понятия индивида в идеологии либерализма): «народ» *обязательно подразумевает наличие «элиты»*. Последняя не является ни хранительницей порядка (как в консерватизме), ни источником разума и профессионализма (как в либерализме): онтологический смысл ее существования состоит в соотнесенности с народом. В этом отношении популизму очень близка трактовка политического Карлом Шмиттом, видевшим сущность политики в противостоянии «друг — враг»³⁰. Согласно Шмитту, данная парная категория не просто фиксирует конкретные различия (они-то как раз вторичны для политического), но раскрывает наивысшую экзистенциальную степень интенсивности конфликта.

³⁰ О понимании политического К. Шмиттом см. Шмитт 1992.

Характерное для популизма противопоставление «нас» («народа») «им» («элите») неизбежно предполагает *игнорирование различий и внутри народа, и внутри элиты*. «Они» могут квалифицироваться как олигархи или чиновники либо даже как олигархи и чиновники одновременно, при том что интересы «олигархов» и «чиновников» по меньшей мере не совпадают. «Им» принадлежит власть и богатство, «они» решают все, в том числе и то, жить «нам» или нет. Именно владение альтернативой жизни и смерти формирует внутри элиты осуждаемый популизмом дискурс солидарности, покоящийся на враждебности «народу» и перекрывающий все внутриэлитные различия и противоречия.

Онтологическая структура популизма упрощает задачу «конструирования» народа, ибо тот определяется в дискурсивном поле как противоположный носителям власти. Но построение взаимодействия «народ — элита» исключительно в логике интенсивности ассоциации и диссоциации лишает политическое бытие содержания, необходимого популизму как отдельной идеологии. Поэтому он не может остановиться на простой фиксации конфликта.

Качественное наполнение политического бытия создает идея *народного суверенитета*, придающая популизму необходимый «блеск» и позволяющая ему содержательно противостоять элитизму, для которого «политика есть выражение мнения моральной элиты, а не аморального народа»³¹. Популизм полагает прямо противоположное, постулируя, что воля народа может быть выражена и, будучи выраженной, обладает безусловным приоритетом перед предпочтениями элиты. Это формирует *устойчивые речевые конструкции прославления и дискредитации, которые служат задачам легитимации народа и делегитимации элиты* как силы, незаконно узурпировавшей власть народа и ревностно следящей за тем, чтобы тот не смог вернуть себе способность принимать решения.

Можно сказать, что идея народного суверенитета стала козырной картой популизма, ибо ни один конституционно оформленный политический режим современности не посмеет оспаривать народ в качестве первоисточника суверенитета. Это не только придает силу риторическим требованиям «повернуть политику к нуждам народа», но и может иметь вполне осязаемые властные последствия в виде общенациональных референдумов. Утверждению примата воли народа способствует искупительный аспект современной политики: если мир станет лучше благодаря «гласу народа», тот должен звучать.

Особую роль в популистской трактовке народного суверенитета играют понятия *мажоритарности и аутентичности*. Принцип мажоритарности часто используется для обоснования законности механизма прямой демократии, обеспечивающего большинству прямой доступ к принятию ключевых политических решений. Однако было бы заведомым упрощением отождествлять популизм с идеей прямой демократии. Поддержка последней не относится к числу непреложных атрибутов

³¹ Mudde 2004: 543—544.

популизма. Мажоритаризм важен не сам по себе, но как инструмент аутентичного выражения воли народа. Обязательным для популизма, постулирующего существование подлинной воли народа, очищенной от элитарных махинаций и пропагандистских ухищрений, является *не столько апелляция к непосредственной власти большинства, сколько требование аутентичного представительства народных интересов*. Тем самым подвергается критике концепция «коридора возможностей», задаваемого элитой: народ должен решать, что он хочет, а не выбирать из набора альтернатив, предложенных онтологически враждебной ему элитой.

Популисты всегда пытаются представить себя рупором народной воли, настаивая на своей близости к обычным людям и отдаленности от элиты (в том числе интеллектуальной). Поэтому один из неперменных атрибутов популизма — разделение общественных движений и коллективных интересов на аутентичные народу и чуждые ему. Это позволяет популистам *еще до начала содержательной дискуссии причислить своих оппонентов к «врагам народа»* и по большому счету делает такую бессмысленной.

Восхваление народа и очернение элиты составляют неотъемлемую черту любого популистского дискурса. Ссылка на бесспорность народного суверенитета служит оправданием тезиса о примате аутентичной «воли народа». При этом народ характеризуется как притесняемая положительная субстанция, элита же, напротив, описывается как нечто структурно антагонистичное народу, наделенное порицаемой идентичностью и преследующее осуждаемые интересы.

Подобная антагонистическая схема позволяет зафиксировать оппозицию «народ — элита» в любой точке социально-экономического, политического и культурного пространства: бедные-богатые, верующие-неверующие, титульная нация — нацменьшинства и т.д. Разыгрывание национальной карты — самый легкий и беспроигрышный вариант популистской стратегии. Народ всегда будет провозглашаться носителем истинных национальных ценностей, а элита обвиняться в космополитизме и оторванности от национальных корней. Гораздо сложнее с разыгрыванием религиозной карты. Ввиду особенностей церковной организации и специфических взаимоотношений церковных иерархов со светской элитой религиозные популисты постоянно рискуют оказаться на позициях церковного и политического андеграунда, что не всегда способствует повышению электоральной поддержки.

**Популизм как
фрагментарная
идеология**

В своей интерпретации политическая идеология популизма достаточно узнаваема. Но эта самая узнаваемость отчетливо обнаруживает концептуальную слабость и незавершенность популизма. Его ограниченность становится полностью очевидной, когда мы задаем ключевой вопрос политики: кто, что, когда и каким образом получает в принципе и в данной конкретной ситуации?³² Популисты слишком упиваются

³² Lasswell 1936; Freedен 2006: 98.

идеей «народа», чтобы создать устойчивую идеологическую традицию. Несмотря на огромное разнообразие конкретных проявлений, развитые комплексные идеологии в своей основе в высшей степени логичны, понятны, их политический горизонт четко обозначен. Это позволяет им выходить за рамки существующего политического контекста, формируя своеобразную когнитивную карту политики. В этом смысле комплексные идеологии не просто продукт изощренного логического мышления и риторического искусства, но и идейные конструкции, способные вызывать самостоятельный резонанс в окружающем их политическом пространстве.

Пластичность понятия «народ» помогает политикам-популистам приспосабливаться к меняющимся политическим условиям. Однако его чрезмерная абстрактность сдерживает развитие популизма как самостоятельной идеологии. Любая значимая идеология должна быть способна перевести свои концептуальные построения на язык актуального политического контекста. Апелляция к народу вообще, свойственная популизму, делает ответ на вопрос: кто, что и каким образом получит в результате принятия тех или иных политических решений? — в принципе невозможным. Будучи вполне узнаваемым по своим риторическим конструкциям, популизм *не обладает механизмом трансформации собственных идеологических принципов в пункты конкретного политического проекта.*

Популизм как таковой настаивает только на том, что народ должен получать то, чего он хочет, когда он этого хочет и вопреки тому, что «другие» хотят чего-то иного. Очевидно, что с точки зрения современных политических реалий это довольно непрактичная позиция. Конечно, идеологии не обязаны носить прикладной характер, но для успешного существования и превращения в устойчивую политическую традицию им необходимо хорошо справляться с диалектическим взаимодействием практического опыта и теоретического осмысления. *Популизм остается фрагментарной идеологией, поскольку его сторонники никогда даже не пытались связать теорию с практикой.* В практической сфере популизм, как правило, «паразитирует» на более развитых комплексных идеологиях. И дело здесь не в воспроизводстве им чужих политических рецептов — в ситуации, когда набор ответов на ключевые вопросы современности весьма ограничен, в таком воспроизводстве нет ничего уникального (достаточно вспомнить либеральный рыночный пафос «консервативной волны»). Дело в том, что, *будучи «незавершенной» идеологией, популизм не заимствует позиции других идеологий, но «добавляет» себя к иным идеологическим концепциям.* В этом смысле популизм можно уподобить вирусу, который настолько примитивен, что не обладает собственной клеточной структурой, однако вследствие своей примитивности способен прижиться в чужой клеточной среде. Но раз так, то секрет необычайного разнообразия проявлений популизма, по-видимому, следует искать не столько в некоей присущей ему иррациональности и алогичности, сколько в его

концептуальной ущербности и «недоделанности». Не стоит плодить мифы там, где их нет.

Вместе с тем было бы неверно обвинять популизм в «идеологическом промискуитете». При всей своей открытости он способен вступать в контакт не с любой идеологией. Хотя концептуальное ядро популизма слабо, оно все-таки есть. И наличие этого ядра не позволяет популизму использовать идеи и позиции, ассоциирующиеся с истеблишментом.

* * *

Исследователи, не признающие за популизмом *права именоваться идеологией ввиду его неопределенности и отсутствия ключевых черт*, просто не замечают, что *подобная неопределенность* (а точнее, фрагментарность) *и является ключевой его чертой*. Неспособность существовать в качестве самостоятельной комплексной идеологии, вынуждающая популизм пользоваться не только конкретными наработками, но и концептуальной сердцевиной других идеологий, вовсе не означает, что популизм неузнаваем как особое идеологическое течение, обладающее собственными рамочными характеристиками. Поэтому при политическом анализе идеологической реальности мы не должны останавливаться на выявлении популистских черт в деятельности той или иной партии или политического лидера. Гораздо важнее определить, прибегает ли интересующий нас политический актер к популистским приемам, оставаясь при этом в рамках некоей комплексной идеологии, или же мы имеем дело с идеологией популизма, «присосавшейся», как вирус, к концептуальному ядру таковой.

Не исключено, что предложенный выше подход наконец-то позволит разгадать «загадку» уникальности КППРФ, но эта тема требует особого рассмотрения.

Библиография

- Шмитт** К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1.
- Arditi** B. 2004. Populism as a Spectre of Democracy: A Response to Canovan // *Political Studies*. № 52.
- Canovan** M. 1984. «People», Politicians and Populism // *Government and Opposition*. № 19.
- Canovan** M. 1999. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // *Political Studies*. № 47.
- Canovan** M. 2005. *The People*. — Cambridge.
- Freeden** M. 1996. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. — Oxford.
- Freeden** M. 1998. Is Nationalism a Distinct Ideology? // *Political Studies*. № 46.
- Freeden** M. 2003. *Ideology: A Very Short Introduction*. — Oxford.

- Freeden M.** 2006. Ideology and Political Theory // *Journal of Political Ideologies*. № 11.
- Goodwyn L.** 1973. *The Populist Moment*. — N.Y.
- Hay C.** 2002. *Political Analysis*. — Basingstoke.
- Laclau E.** 2005a. *On Populist Reason*. — L.
- Laclau E.** 2005b. Populism: What's In a Name // Panizza F. (ed.) *Populism and the Mirror of Democracy*. — L., N.Y.
- Lasswell H.D.** 1936. *Politics: Who Gets What, When, How*. — N.Y., L.
- Mayer N.** 2005. French Populism: The Aftermath of 21st April 2002 // Ociepka B. (ed.) *Populism and Media Democracy*. — Wrocław.
- Mudde C.** 2004. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. № 39.
- Panizza F.** 2005. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy // Panizza F. (ed.) *Populism and the Mirror of Democracy*. — L., N.Y.
- Riker W.** 1982. *Liberalism against Populism: A Confrontation between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*. — San Francisco.
- Stavrakakis Y.** 2004. Antinomies of Formalism: Laclau's Theory of Populism and the Lessons from Religious Populism in Greece // *Journal of Political Ideologies*. № 9.
- Westlind D.** 1996. *The Politics of Popular Identity: Understanding Recent Populist Movements in Sweden and the United States*. — Lund.